

СКАЗКИ

ДЕСЯТЬ ДЕРЕВЯННЫХ СОЛДАТИКОВ И КУКЛА МАРИЯ

Мальчику Александру папа с мамой на Новый год подарили десять деревянных солдатиков, а его сестричке, своей дочери Елене — белокурую куклу Марию.

Дети нашли свои подарки под ёлочкой, когда утром, помывшись и позавтракав, вошли в гостиную.

Солдатики плотно, один к одному, лежали в картонной коробке. Они были в восхитительно ярких мундирах с ружьями и саблями.

Александр, назначив себя маршалом, поставил солдатиков в ряд, призвал их к присяге и велел отдать салют. Затем он разделил солдатиков на два лагеря, приказав им идти войной друг на друга.

Солдатская служба суровая, и приказ командира в ней превыше всего, поэтому солдатика весь день храбро дрались, а вечером Александр похоронил их в общей могиле — картонной коробке, поставив на крышку пластилиновый крест.

Только в могиле солдатика снова почувствовали себя братьями и крепко обнялись. Они услышали над собой плач. Это плакала кукла Мария, — ей было жаль погибших солдатиков.

А утром всё повторилось. Солдатики ожили и ринулись в бой друг на друга...

Однажды Александр не стал хоронить солдатиков. Он устроил им перемирие и пригласил отпраздновать это свою сестричку Елену и куклу Марию. То-то было радости у всех! Солдатики плясали до упаду, а кукла Мария радовалась, что все они живы.

Шло время. Александр с Еленой подросли и перестали играть в детские игры. Куклу с солдатиками за ненадобностью отнесли в тёмный чулан и положили на полку, где хозяйничала злая Крыса.

В первую же ночь она откусила у куклы пальчик. Мария заплакала. Солдатики застучали ружьями в крышку коробки.

— Кто это там?! — грозно спросила Крыса и сорвала крышку когтями.

Солдатики повыскакивали из коробки. В сравнении с ними Крыса была огромной, но они дрались с ней так дружно и самоотверженно, что вынудили злодейку отступить.

— Ладно, — пригрозила Крыса, — поглядим ещё, чья возьмёт!

Своими страшными зубами и когтями она нанесла солдатикам большие увечья, но им ли было бояться ран?!

Они уложили куклу Марию в свою коробку, а сами стали вокруг дозором.

Крыса ещё не раз нападала на их лагерь и всегда получала отпор.

— Я не умру до тех пор, пока вы не выпустите из рук своих ружей! — пообещала солдатикам злая Крыса.

Её слова оказались пророческими. Минуло много лет, а Крыса и не думала умирать. Каждую ночь она наведывалась в чулан узнать: держат ли ещё солдатiki ружья?

От неё кукла Мария и солдатiki узнали, что родители Александра и Елены скончались, что Александр стал настоящим маршалом и ведёт с соседними государствами одну войну за другой, а его сестрица так и осталась старой девой, потому что её жениха убили на войне.

Потом Крыса сообщила, что и Елена, внезапно тяжело заболев, умерла. Дом стоит заколоченный, и теперь ей приходится бегать за куском хлеба к соседям.

Однажды Крыса, запыхавшись, явилась среди белого дня с новостью: приехал маршал Александр!

Дом ожил, во всех уголках устроили уборку. Добрались и до чулана. Куклу с солдатиками сняли с полки. На них было столько пыли, что служанка хотела выбросить их, но какой-то властный седой человек приказал помыть игрушки.

Когда десять деревянных солдатиков и куклу Марию вносили в светлую гостиную, они

увидели по пути на вешалке военный мундир с большими звёздами и поняли, что этот седой человек, сидящий с трубкой в кресле, не кто иной, как сам Александр! О, как он постарел!

Расставив солдатиков на столе и, посадив рядом с ними куклу Марию, маршал раскурил трубку. Ему было грустно, но в душе он оставался простым солдатом и не смел плакать...

Под Новый год кукольных дел мастер принёс в дом маршала две красивые коробки. Александр снял с одной крышку и стал выбирать оттуда бывших солдатиков, но теперь на них, вместо военных мундиров, была одежда крестьянина, кузнеца, повара, учёного... И ни у кого из них не было оружия!

— Так-то будет лучше! — впервые улыбнулся старый маршал и положил коробку под ёлочку для своего внука.

Другую коробку с куклой Марией, которую одели в новое белое платье и нарастили ей откушенный пальчик, дедушка подарил внучке...

В тёмном чулане служанка наткнулась на дохлую Крысу и выбросила её вон.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСЧИНКИ

В пустыне, как известно, горы песка. Но вот с одной Песчинкой случилась, прямо-таки, сказочная история.

Ветер гонял её по пустыне, как ему заблагорассудится. Иногда Песчинке удавалось задержаться на гребне бархана, и она могла наблюдать восходы и заходы солнца. А в жаркий полдень над горизонтом зыбились миражи: воздушные голубые моря с городами по берегам, пышные зелёные кустарники и деревья, — совсем не то, что саксаул и верблюжья колючка.

«Хорошо бы пожить у воды, — мечтала Песчинка, — полежать на берегу моря!»

Однажды она увидела бредущий по пескам караван. Верблюды несли на своих горбах огромные полостые тюки, а рядом шли погонщики.

Песчинку понесло ветром за караваном и, не успела она опомниться, как оказалась в одном из тюков на спине верблюда.

Тюки везли, снимали, перекладывали. Наконец их развязали, и Песчинка вместе с товаром очутилась в лавке Торговца.

У Торговца в ухе болталась золотая серьга. Он с любовью оглядывал товар, цокая языком. Особенно ему понравилось платье с жемчужным украшением.

Увидев Песчинку, Торговец нахмурился и сдунул её на пол. Песчинка не обиделась. Она привыкла к тому, чтобы на неё дули. В конце концов у каждого свой образ жизни.

Приходили покупатели. Всем им нравилось платье с жемчугом, но не всем оно было по карману. В лавке Торговца Песчинка впервые узнала, что такое деньги и, что значит человек, если их у него много.

Перед Богачом в роскошном халате и белоснежной чалме Торговец расплылся по полу. Богач, заплатив кучу денег, забрал платье.

Обрадованный Торговец решил подмести в лавке пол.

Песчинка вылетела на улицу. Ветер принялся гонять её по узким улочкам, убогим дворикам. Песчинка увидела, как бедно живут многие люди, — совсем не так, как Торговец.

Вихрем её перебросило через высокий каменный забор.

— О Боже! — воскликнула Песчинка. — Куда это я попала?

Кругом росли цветы и деревья. Порхали бабочки и пели птицы. А посреди оазиса стоял дворец с фонтаном.

«Наверное, здесь живут особенные люди!», — подумала Песчинка.

Но из дворца вышел Богач.

Каждое утро в саду поливали цветы и деревья, подметали дорожки.

Попав в мусорную яму, Песчинка молилась об одном: чтобы её не засыпали чем-то сверху!

По счастью яму посетила бродячая собака, и Песчинка, ухитрившись пристать к её хвосту, выбралась на волю.

Вскоре она оказалась на берегу моря.

Тёплые волны ласково омывали золотистый песок. Белые птицы с гортанным криком ныряли в воду, охотясь за серебристыми рыбками.

По гористому берегу раскинулся красивый город, утопающий в зелени деревьев и кустарников, — всё, как когда-то в мираже! Песчинка не могла нарадоваться своей удаче! Не об этом ли она мечтала в далёкой пустыне на гребне раскалённого солнцем бархана?!

Однажды к берегу пристал парусник. Корабельный повар-кок, вывалив на берег чёрную от копоти судовую посуду, принялся драить её песком.

Вот уж где досталось Песчинке! Её едва не стёрли в порошок. Кок небрежно ополоснул посуду, и Песчинка... очутилась на корабле.

Она побывала во всех уголках корабля: в камбузе, то есть, на кухне, и — в матросском кубрике, в трюме и даже в каюте капитана. Но больше всего ей понравилось на палубе, с которой открывался вид на море.

Море было похоже на пустыню, только вместо песка кругом была вода. Песчинка встречала восходы и заходы солнца, видела проплывающие вдали, как миражи, берега с цветущими городами и уже подумывала о том, что теперь ей можно вернуться в пустыню, раз она уже повидала всё то, о чём когда-то мечтала.

Но корабль попал в шторм, и Песчинку смыло с палубы большой волной.

Медленно погружаясь в пучину моря, она увидела вокруг себя совсем иной мир.

Тучи планктона, будто насекомые, носились в толще воды. Рыбы, как птицы, проплывали мимо.

На дне раскинулся подводный сад. Только вместо деревьев там росли кораллы, а в зелёных и бурых водорослях, как в траве, шевелились морские звёзды и медузы.

На белом песке лежали перламутровые раковины. Одна была такая изящная, что Песчинке захотелось рассмотреть её поближе.

Слабым течением, будто сквозняком, её понесло к раковине, створки которой были чуть приоткрыты. Миг — и Песчинку затянуло вовнутрь!

...Песчинке снилось, что ветер несёт её над синим морем, над приморским городом, утопающим в зелени садов, над белым дворцом Богача и лавкой Торговца, над бесконечной пустыней, в которой серой змейкой тянется верблюжий караван.

Наконец она падает, и ветер наносит на неё огромный бархан песка...

Лезвие ножа раздвинуло створки, и яркий свет проник в раковину.

Песчинку бережно положили на ладонь. Люди смотрели на неё, улыбаясь.

— Хороша! — сказал один.

— Да! — подтвердил другой.

Это были ловцы жемчуга.

А что случилось дальше с Песчинкой, чудесным образом превратившейся в Жемчужину, об этом уже другая история...

ПОЮЩИЙ ФОНТАН

Под высокой горой стоял красивый город. Из горы били тёплые целебные ключи, так что вокруг было много здравниц, и тысячи людей круглый год наезжали сюда, чтобы поправить своё здоровье.

Высокие стройные деревья, поднимаясь в гору, исчезали за облаками. В низине блестела на солнце речка. Прекрасные розарии цвели повсюду, а один из них начинался с вершины горы и сбегал по уступам к подножию — это был настоящий розопад!

Там, где он заканчивался, был разбит липовый сквер с фонтаном посередине. Четыре каменных замшелых старца, стоя по колено в воде, держали на своих плечах огромную вазу, — из неё лились и били вверх жемчужные струи.

Фонтан имел внутри себя тёмные таинственные пустоты, в них жили безобразные жабы. Каждую весну они вылезали из своих нор, чтобы отметать икру, делая это по ночам, при свете луны, словно совершая колдовство. Спустя время из икринок появлялись головастики и превращались в лягушат.

Лягушонок помнил себя ещё крошечным безногим головастиком. В то время фонтан казался ему необъятным миром. Вокруг что-то двигалось, летало, шумело.

Огромные капли, падая сверху, шлёпали по голове. Мальчишки, засучив штаны, бродили по воде и, вылавливая головастика сачками, сажали их для своего удовольствия в стеклянные банки. Но потом, когда головастики выросли и стали лягушатами, их не так-то было легко оттуда вытащить...

Самым прекрасным временем для лягушонка была ночь. Фонтан умолкал. Утихал ветер, а вместе с ним замирала и листва на деревьях. Только цикады оглашали тишину своим трескучим пением.

Лягушонок любил смотреть в небо, сравнивая его с огромным фонтаном. Если шёл дождь, значит, фонтан, в представлении лягушонка, работал. Ясным днём небо, будто бы, наполнялось голубой водой, в которой, образно говоря, «плавали» птицы. А ночью звёзды светились, точно разноцветные камушки и песчинки на дне.

Лягушонок погружался в волшебный мир грёз. Он с разбегу прыгал в воображаемый им небесный фонтан — ночное небо, опускался на дно и горстями подбрасывал вверх сверкающие камушки — звёзды!

Однажды его застала за этим занятием Летучая Мышь, повисшая вниз головой на ветке:

— Эй, что это ты, раскрыв рот, уставился в небо?

— Нравится, вот и смотрю, — обиделся Лягушонок.

Летучая Мышь скрипуче рассмеялась:

— Может быть, ты мечтаешь научиться летать? Напрасно, милый, не получится!

— Зато я могу себе это представить! — гордо ответил Лягушонок.

Летучая Мышь задумалась.

— Значит, ты тоже летаешь, только тебя не видно?.. А если мы с тобой столкнёмся в воздухе? Ты представляешь, что будет?! Лягушонок, ну зачем тебе летать? Через два квартала на юг есть Поющий Фонтан. Это так же интересно, как и звёздное небо. Там столько огней, столько веселья и музыки! Отправляйся туда!

— Я подумаю, — ответил ей Лягушонок.

Лягушонок подрос. Все его сверстники пережились на мерзких жабах и радовались этому, живя в мокрых, уютных нишах фонтана. А Лягушонок всё ещё не имел своего угла, — за ним по-прежнему охотились мальчишки.

Но дошла очередь и до него. Его насильно затащила в свою нору одна безобразная Жаба-Вдова.

— Будешь моим мужем! — сказала она и затряслась от смеха, и все её бородавки на коже запрыгали от веселья.

Лягушонок в ужасе выскользнул из её объятий, не помня себя, одним махом перескочил скользкие, замшелые камни и... выпрыгнул из фонтана!

Отдышавшись и оглядевшись, он твёрдо решил отправиться на поиски Поющего Фонтана, о котором говорила Летучая Мышь.

Всю ночь Лягушонок прыгал мимо огромных домов. Один раз на него напала Кошка и тут же отскочила, презрительно фыркнув. Другой раз чьи-то большие ноги прошагали тяжёлой поступью совсем рядом!

Сердце Лягушонка провалилось в пятки, когда мимо, ревя, промчался автомобиль. Рассвело. На улицах появились прохожие. Лягушонок заполз в какую-то подворотню и забился в тёмный угол, решив дожидаться там наступления ночи.

Мимо с кусочком хлеба деловито пробежала Мышь.

— Как ты сюда попал? — спросила она, выглянув из норки.

— Я ищу Поющий Фонтан, — ответил Лягушонок.

— Поющий Фонтан?.. Не знаю такого. А на что он тебе?

— Это моя мечта.

— Как интересно! — воскликнула Мышь. — Ты мне нравишься! Оставайся жить со мной. У меня тёплая норка, много хлебных корочек и ещё всякой всячины.

— Я люблю мошек и комаров, — вспомнил о еде, Лягушонок.

— О! — обрадовалась Мышь. — У меня и этого добра завались!

Она нырнула в норку и вымела оттуда хвостиком кучу комаров.

— Угощайся!

Лягушонок позавтракал.

— Ты мне тоже нравишься, — сказал он. — Но я не могу отказаться от мечты.

— А зачем отказываться? — искренне удивилась Мышь. — Живи со мной и мечтай на здоровье!

И они стали жить вместе.

Днём Лягушонок отсиживался в мышинной норе, а по ночам купался в соседней луже и любовался кусочком звёздного неба, который был виден между домами.

Пришла осень. Зачастили дожди. Небо почти всегда было закрыто тучами. Лягушонок затосковал.

А Мышь твердила:

— Это временно! Пройдут дожди, и ты снова увидишь своё звёздное небо.

Но вслед за дождями грянули холода. Выпал снег. Лягушонок стал вялым и погружился в зимний сон.

Мышь заботливо укутала его в тёплые тряпочки, а сверху для красоты накрыла конфетным фантиком.

Весной Лягушонок проснулся. Соседка Крыса рассказала, что Мышь попала в лапы Кота и всё добро её теперь принадлежит ей, а ему лучше убраться из норки подобру-поздорову.

Ночью Лягушонок вылез из подворотни и поспешил по пустынной улице навстречу своей мечте — Поющему Фонтану.

Иногда ветер, как будто, доносил до его слуха звуки чудесной музыки. Они придавали Лягушонку силы и храбрости. Даже страшный Филин с горящими глазами, низко пролетев над землёй, не смог запугать его.

К утру Лягушонок добрался до Цветника. Прекрасные розы окружили его, а над ними запорхали красивые бабочки. Все это напомнило Лягушонку его волшебные грёзы. Голова закружилась, и он ненадолго почувствовал себя счастливым...

— Что за урод появился в нашем почтенном обществе? — с презрением сказала Красная Роза.

— Да от него пахнет болотом! — фыркнула Жёлтая Роза.

— Представляю, как над нами будут смеяться в других розариях, когда узнают, кого мы привечаем! — зло процедила Чёрная Роза.

— Прочь!

— Вон!

— Гадкое животное! — наперебой зашипели розы и стали колоть Лягушонка своими шипами.

Лягушонок не знал, куда ему деваться. По счастью, рядом оказался стаканчик из — под мороженого. Туда он и забрался.

На город опустились сумерки. Розы уснули. Лягушонок спешно покинул временное укрытие и снова отправился в путь.

С наступлением темноты он добрался до невзрачного фонтана под крутой горой. На вершине горы стеной стояли громадные деревья. Их корни, свисавшие по склону к воде, были увиты плющом.

Лягушонку сделалось очень грустно:

— Где же он, Поющий Фонтан?! По ту сторону этой высокой горы? О, если бы у меня были крылья, как у Летучей Мыши! Я перелетел бы гору! Но у меня их нет и не будет, и что стоит мечта, если она недостижима!

Лягушонок, горько заплакав, плюхнулся в фонтан...

И в этот миг фонтан вдруг вспыхнул разноцветными огнями и заработал! Запел! Мощные струи воды, озарившись волшебным светом, брызнули высоко вверх и заплясали под музыку! А на дне фонтана, как звезды на небе, загорелись камушки! Это было так неожиданно! Сбылась мечта, а Лягушонок впал в оцепенение. Тут к нему подплыла неопишуемой красоты изумрудная Лягушка и пригласила на танец.

Лягушонок никогда не танцевал, но сейчас он почувствовал, что в нём разом пробудились все необыкновенные таланты! Теперь он может всё...даже летать!

ФОНАРЬ-ЧУДАК

Каждый вечер в городе зажигались фонари, даже в самую ненастную погоду. И ни звёзды, ни сама луна не могли соперничать с ними в этом постоянстве.

На углу одного сквера стоял Фонарь по прозвищу Чудак. Так его прозвали за то, что он полюбил... Голубку.

Все фонари были связаны между собой подземным электрическим кабелем, вели по нему разговоры и чувствовали всё то, о чём думает каждый из них.

— Где это слыхано, чтобы фонарь любил птицу?! — негодовали они. — Ну, и что ты намерен делать дальше? — спрашивали с сарказмом. — Учиться летать?

Фонарь-Чудак отмалчивался, понимая всю нелепость своего положения. Ночью он бросал печальный свет на глухую стену дома, под крышей которого спали голуби, а днём с волнением следил за своей возлюбленной.

В стае сизых голубей она одна имела белое оперение и, поднимаясь высоко в небо, нередко исчезала из виду Фонаря-Чудака.

В эти минуты Фонарь представлял себя парящим в воздухе рядом с Голубкой. Это не давало его собратьям покоя.

— Чудак! — сердились фонари. — Спустись на землю!

Однажды на голубей, круживших над городом, напал Ястреб. Отбив от стаи Белую Голубку, он стал бешено её преследовать. Голубка камнем падала вниз, взмывала вверх... Ястреб не отставал.

Фонарь-Чудак, видя это жуткое действие, разволновался так, что загорелся среди белого дня.

— Сумасшедший! — закричали на него во всеулышание фонари, впервые позабыв о своей тайной подземной связи. — Погасни сейчас же! Очень нужна ей твоя любовь!

Но Фонарь-Чудак разгорался всё ярче.

Вдруг Ястреб, как будто, сильно натолкнулся на что-то! Голубка воспользовалась этим его замешательством и, уйдя от погони, приземлилась в сквере под деревьями.

Вся стая слетелась к ней поздравить с удачей.

Сизая Голубка, указав крылом на горевший поблизости Фонарь, о чём-то пошептала с подругой.

Белая Голубка, вспорхнув, села на плафон Фонаря-Чудака.

— Это правда, что Вы ко мне равнодушны? — спросила она кокетливо.

— Правда! — ответил Фонарь, и свет в его плафоне порозовел от смущения.

— Серьёзно? — рассмеялась Голубка. — Да разве возможны между нами какие-то отношения? Впрочем... любите, если хотите, мне всё равно.

Сказала и улетела.

Фонарь-Чудак, вздохнув, медленно погас.

В город пришла осень. Листья на деревьях пожелтели и стали облетать.

Днём листопад представлял собою красочное зрелище. А ночью летящие по воздуху листья одинокими печальными странниками появлялись в свете уличных фонарей и исчезали во мраке.

И так все в мире: приходит из тьмы и уходит во тьму.

Один мокрый Лист прилип к плафону Фонаря-Чудака.

— Как тепло! — сказал он грустно, но, подсохнув, скользнул вниз и упал в лужу.

«И зачем я только здесь стою? — с досадой подумал Фонарь-Чудак. — Если бы я был Солнцем!»

— Солнце тоже бессильно перед временами года, — сонно отозвался безграмотный Фонарь-сосед. — Твоё дело не греть, а только светить.

Зима нагрянула неожиданно. Небывалая стужа окутала город седым облаком. С треском лопались стволы деревьев в сквере.

Это случилось вечером, когда в городе зажглись фонари.

Фонарь-Чудак уловил в морозном воздухе знакомый шелест крыльев. На его плафон из синих сумерек опустилась Белая Голубка. Замерзшие лапки её разъехались, и он услышал в прильнувшей к нему маленькой груди слабо бьющееся сердечко.

— Мне холодно, — прошептала Голубка.

Никогда ещё уличные фонари не возгорались таким удивительно тёплым светом, как это случилось с Фонарём-Чудаком! Мириады капелек воды, проступив из холодного воздуха, собрались вокруг него в светящийся ореол. И, как чудо, над Фонарём-Чудаком и Белой Голубкой засиял в ночном небе венец радуги!

— Безумец! — испуганно прошептал Фонарь-сосед. — Ты же погибнешь!

А город словно посетила весна, — так в нём стало тепло!

Наутро Белая Голубка улетела к своей стае под крышу. Едва она оторвала свои тёплые розовые лапки от плафона Фонаря-Чудака, как внутри у него что-то с печальным звоном лопнуло.

...Днём пришёл Электрик и сменил у перегоревшего фонаря лампу.

Вечером фонарь зажгётся. Но то был уже не прежний Фонарь-Чудак, а иной, в котором горела другая лампа, — другое сердце, неяркое, осторожное.

И когда к нему прилетела Белая Голубка, чтобы тоже признаться в своей любви, фонарь не узнал её...

ФОРТЕПЬЯНО

Мастер в последний раз провёл по клавишам и закрыл крышку фортепьяно:

— Хороший инструмент получился! Попасть бы ему в хорошие руки.

«Иначе и быть не может!» — самодовольно подумала Сюита, гордо блеснув новенькой тёмной полировкой перед грубо сколоченным шкафом, куда мастер вешал рабочий халат и ставил стоптанные ботинки.

В магазине уже было много разных музыкальных инструментов, — аккордеонов, флейт, скрипок, духовых труб.

Немало стояло там и фортепьяно. Больше всего Сюиту поразило обилие украшений на электромузыкальной братии, — гитарах, бубнах, а на большой важный Барабан, усыпанный сверкающими камешками, она не могла смотреть без восторга и тогда впервые подумала: «А хороша ли я?»

Каждый был о своей персоне высокого мнения. Когда уносили одни музыкальные инструменты, другие, оставшиеся на прилавках, считали это по меньшей мере несправедливым.

Однажды магазин посетил Седой Человек. Он стал по порядку прослушивать все фортепьяно. Дойдя до Сюиты и, тронув её клавиши, кивнул:

— Это то, что мне надо.

— Как?! — возмутилось стоявшее рядом Белое Пианино. — Он ещё не исполнил ни одной стоящей мелодии, а уже хочет купить Вас! И чем, кстати, плоха я?

— Сдаётся мне, что он и играть-то не умеет, — подал обиженный голос велико-лепный концертный Рояль.

Это не на шутку обеспокоило Сюиту.

Дом, где она обрела своё первое пристанище, был полон старинной мебели и анти-кварных вещей. Пахло нафталином.

Хозяин бережно поставил перед собой женский портрет в чёрной раме и заиграл печальное адажио. Играл он хорошо, вдохновенно, и из глаз его катились слезы.

Так продолжалось изо дня в день. Для Седого Человека словно не существовало весёлой музыки. Фортепьяно заскучало.

Как-то утром хозяин не встал с постели. Обычно молчаливые вещи разговорились. Комод сказал:

— Ничего не понимаю, он не ест, не пьёт, а всё спит и спит!

— Может быть, ему снится что-то хорошее, и он не хочет просыпаться, — проро-нили со стены Часы. — Ой, у нас кончается завод! Мы останавливаемся!

Бронзовый Подсвечник переступил литой ножкой:

— Да у него летаргический сон!

Сюита хотела было спросить, что означает слово «летаргический», но Диван, на котором лежал хозяин, проскрипел:

— Он умер!

Похоронив отца, взрослые дети взялись делить имущество.

Дом и небольшая часть мебели достались младшему сыну, отъявленному негодяю и лентяю.

Повсюду теперь лежала серая, как мышиный мех, пыль.

Иногда навевались шумные молодые гости. Они корчились в плясках под бешеную музыку магнитофона. По полу катались пустые бутылки. Все, кому не лень, садились за фортепьяно и грубо стучали по клавишам.

— Зачем тебе этот гроб? Продай его!

— Пусть пока стои-ит! — вопил молодой хозяин, пиная пустые бутылки в сторону Сюиты.

После пирушек он навсегда уносил из дома какую-нибудь дорогую вещь.

Дошла очередь и до фортепьяно. Затирая чёрным кремом трещины и царапины на её полированной поверхности, лентяй вздыхал:

— И зачем я только пинал в тебя бутылки?!

Но ему удалось продать Сюиту без особого труда. Она так обрадовалась покупателям, что звучала восхитительно. Это и посчитали главным, а на внешний вид, как будто бы, и не обратили внимания.

Девочка встретила покупку глазами в пол-лица. Не веря своему счастью, она долго не решалась открыть крышку музыкального инструмента, а когда это сделала, то выяснилось, что совсем не умеет играть.

Зато желание её обучиться музыке было велико. Девочка часами просиживала за фортепьяно и вскоре разучила одну очень хорошенькую мелодию.

«Какая она чуткая и трудолюбивая!» — любовалась ею Сюита, мечтая о том времени, когда под окрепшими пальцами юной хозяйки зазвучит прекрасная музыка.

Но жизнь повернула по-своему...

— Папа, мама, давайте возьмём её с собой! — просила девочка, роня горячие слёзы на клавиши Сюиты.

— Что ты, дочка, как мы повезём её в другую страну? Это очень далеко! Мы же ничего не берём с собой из мебели! А там мы тебе новое фортепьяно купим!

— Не хочу новое! — заливалась слезами девочка.

Сюиту продали за бесценок, так как придирчивые покупатели отыскиали на ней уйму трещин и царапин.

— Ишь ты, хотели нас надуть! — ворчала новая хозяйка всегда в кухонном за-саленном халате. — Нашли дураков! Заладили: прекрасный звук, прекрасный звук...

— Играет и ладно, — потакал ей муж, такой же большой и толстый. — Главное, что она в интерьер квартиры вписывается.

Их сын, мальчик лет десяти, садясь за фортепьяно с куском батона, политым сверху вареньем, одним пальцем небрежно тыкал в чёрные и белые клавиши. Крошки сыпались из его рта прямо на клавиатуру.

Сюита сердилась и не хотела правильно звучать, впрочем, этого никто не замечал. Вскоре новая игрушка наскучила мальчику.

— Не хочу играть, не хочу! — хныкал он, когда его насильно усаживали за фортепьяно.

Учись, сыночек! — упрасивала мать. — В жизни пригодится!

Отец давал подзатыльник. В ответ раздавался такой рёв, что оба родителя затыкали уши и торопились успокоить своё чадо.

В конце концов они отступились.

— Что ж, пусть растёт оболтусом!

— Но фортепьяно продавать не будем. Где ещё по дешёвке купишь такую дорогую вещь? А люди придут, пусть видят, что мы не нищие!

С фортепьяно стёрли бурые пятна варенья, повыковыривали спичкой из щёлок хлебные крошки и покрыли кружевной накидкой.

Так Сюита простояла много лет.

Однажды хозяева завели разговор:

— Соседи мебельный гарнитур купили. Прелесть!

— Значит, и нам такой же надо!

— Надо, только от фортепьяно придётся избавиться. Оно чёрное, а гарнитур светлый. Мебель в комнате, говорят, должна быть одного цвета.

«Наконец-то! — ликовала Сюита. — Наконец-то я выберусь отсюда, где все разговоры только про еду и вещи. Как люди могут жить такой скучной жизнью?!»

Фортепьяно сдали в комиссионный магазин.

Между подержанными вещами наперебой велись беседы о прежних хозяевах. Говорили разное, одна Сюита молчала. «Пусть лучше я простою здесь вечность! Пусть меня изломают и увезут на свалку, я больше не хочу к людям!» — думала она.

В один прекрасный день в магазин вошли молодые мужчина и женщина, элегантно одетые, статные. Мужчина заговорил о чём-то с продавцом, а женщина, прогуливаясь по залу, подошла к фортепьяно.

Сюита восторгалась: «Не может быть! О, это знакомое прикосновение чутких, милых пальцев!»

Когда женщина наиграла давнюю, хорошо знакомую Сюите мелодию, когда на её клавиши упали горячие слезы, сомнения окончательно оставили фортепьяно: «Да, это

она, та самая девочка, что когда-то была моей хозяйкой! Какая же она стала красивая! Но почему она плачет? Наверное, потому, что так и не научилась играть.»

Не прошло и двух часов, как в комиссионный магазин внесли новенькое фортепьяно и обменяли на старое...

Всю полноту своего неожиданно свершившегося счастья Сюита испытала позже, когда её бывшая хозяйка, когда-то маленькая девочка, а теперь молодая, очаровательная женщина, — о этот добрый ангел! — заиграла на ней!

Сюита сразу позабыла о своей прежней, неудачно прожитой жизни. Ничего подобного ей никогда не доводилось испытывать. Это можно было сравнить только разве с чувствами упоённого свободой, стремительно несущегося над землёй ветра...

Звучала настоящая музыка!

Музыка!

